

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ МИЛОСЕРДИЯ В «ЛЕНИНГРАДСКИХ РАССКАЗАХ» М.М. ПРИШВИНА

Попова Ирина Владимировна¹

кандидат филологических наук, доцент

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается последнее десятилетие жизни и творчества М.М. Пришвина, которое было посвящено детям. В связи с этим автор статьи исследует категории нравственного идеала милосердия в «Ленинградских рассказах» М.М. Пришвина.

Ключевые слова: милосердие, война, нравственный идеал, творчество М.М. Пришвина, идеология, лейтмотива творчества

¹ Попова И. В. popovaiv1964@yandex.ru

Последнее десятилетие жизни и творчества М.М. Пришвина было посвящено, в основном детям, которых писатель считал истинными героями времени. Именно детей он постоянно выводит в качестве главных героев большинства своих поздних произведений.

Такое предпочтение было не результатом давления внешних обстоятельств или конъюнктуры. История его жизни и творчества позволяет с уверенностью утверждать, что он умел сохранить твердость и не поддаваться моде, а равно давлению идеологии и цензуры.

Выбор детской тематики как лейтмотива творчества был вполне добровольным и осознанным. Он явился результатом катарсиса буквально пережитого М.М. Пришвиным в октябре 1942 года. Осенью второго года войны Пришвин жил в эвакуации в Усолье, недалеко от Переславля-Залесского. Два дня спустя он узнает, что в двенадцати километрах от его дома, в усадьбе Ботик, известной ему ещё в двадцатые годы, поселили детей, вывезенных из Ленинграда. В это время к Пришвину и приходит мысль написать очерк о детском интернате для спасенных от войны малышей 3-х – 8-ми лет.

Увиденное поразило Пришвина, прежде всего, как человека, воспитанного на идеалах гуманизма, и перевернуло все его мировоззрение. Вид детей, на долю которых выпали нечеловеческие страдания, вызвал у художника целую бурю эмоций. Увиденное потрясло: «Дети были очень истощены, косточки да мешочки». Писатель с супругой почти год приезжали к детям, стали их друзьями, постоянно старались помочь.

Все увиденное Михаилом Михайловичем стало документальной основой цикла «Рассказов о ленинградских детях» (1944). Написание этих рассказов, объединенных, на первый взгляд, только темой, он считал патриотическим долгом. М.М. Пришвин записал тогда в дневнике: «Если всмотреться в вещь, то каждая миниатюра является одной из необходимых граней, создающих цельное впечатление у бойца на фронте о любовном отношении к детям, оставленным им в тылу...» [1, 453].

На это замечание писателя следует обратить особое внимание, так как в нем заявлена двуединая задача художника, создающего произведение, которое прочтут бойцы на фронте. С одной стороны, нужно обнадежить солдата, сказать ему о том, что его дети не будут оставлены без попечения даже в самых страшных обстоятельствах, но в то же время так описать страдания детей от войны, чтобы каждый воин почувствовал ненависть к фашизму и беззаветно сражался с врагом.

Пришвину понадобилось все его мастерство для соединения несоединимого в единую патриотическую пастораль. И Пришвин прибегает к приему, смысл которого заключается, прежде всего, в том, что война и блокада, боль и голод, гибель родных и все пережитые детьми ужасы, не вынесены на авансцену повествования, а являются как бы фоном.

Дети уже победили смерть, но она осталась в их воспоминаниях, в судьбах, неразрывно сцепленная с подсознанием, поэтому писатель подчеркивает возрождение именно детского, непосредственного, заложенного в природе ребенка. Эту пришвинскую философию можно разделить, согласно форме: тезис – война, антитезис – детство, синтез – возрождение к новой жизни. Строго говоря, суровый строй классического реквиема (скорбь и надежда на посмертное блаженство) наиболее точно подходит для жанровой характеристики цикла, посвященного ленинградским детям. Разумеется, они пережили прижизненное возрождение, однако, оно временами слишком походит на чудо, осуществленный промысел Божий, не давший погибнуть беззащитным детям вопреки тяжелевшим условиям осажденного города.

Всего при жизни М.М. Пришвина было опубликовано девять рассказов цикла, причем четыре из них увидели свет в газете «Красная звезда» в октябре 1943 года: «Ботик», «Дети», «Папа – генерал», «Бабушка и внучка» – это как бы «малый цикл», малый круг рассказов, предназначенный непосредственно для фронтовиков, как бы

«мобилизованный», поставленный под ружье ради общей победы. Первый рассказ – зачин, второй – кульминация, а два последних – финал: «Папа-генерал» – счастливый, сказочный; а «Бабушка и внучка» – открытый, более схожий с литературной – чем с фольклорной основой. У читателей, очень тонко прочувствовавших общую фольклорную стилистику малого круга рассказов, возникло даже желание сказово – счастливо выстроить или дополнить открытый финал.

Из дневников М.М. Пришвина известно, что он получал письма от солдат с фронта о желании усыновить или удочерить после войны Марию-Терезу – маленькую героиню последнего рассказа из перечисленных выше, (из открытого финала «Бабушка и внучка»), т.е. счастливо «закрывать» и второй финал по примеру рассказа «Папа - генерал».

Если рассматривать только сквозной сюжет «большого», полного цикла, то заметен точный баланс между чистой литературой и фольклором. В повествовательной, спокойной интонации ясно различим второй план – контекст, куда «убрана» сама война, угадываются литературные традиции, заложенные в русской литературе еще Л.Н. Толстым. Чистая пришвинская фольклорность заключается в «поэтических фигурах переосмысления» [2, 456].

Гуманист – Пришвин никогда и помыслить не мог о публицистически-заостренных военных лозунгах, подобно известному эренбургскому: «Убей немца!», но после прочтения его рассказов, посвященных спасению ленинградских детей, даже нам, людям, для которых война стала далекой историей, понятна первая реакция воинов на них: «Что за чудовища, которые заставляют детей так страдать!» [3, 459].

Бойцы начинали с новыми силами делать свою тяжелую фронтовую работу: смотрели через прицелы на врагов и поражали их, не отягощая свою совесть убийством, которое ежедневно совершали, ведь защита Отечества, защита детей - правое дело. Именно в своеобразном мирском

взгляде солдат на бой и заключается смысл «мобилизации» – военной направленности малого цикла.

Позже в журнале «Новый мир», были опубликованы еще пять рассказов, затем, в 1957 году читатели могли познакомиться со всем циклом – двенадцать рассказов и три наброска, которые отклонились от авторского замысла и стиля «Рассказов о ленинградских детях»: «Прекрасная мама», «Спасайте детей» и «Французское чувство».

Канонический авторский замысел запечатлен в двенадцати рассказах, сюжетно связанных по принципу венка сонетов. Каждый рассказ цикла как бы подхватывает эстафету повествования у предыдущего рассказа, а в венке сонетов, как известно, последняя строка предыдущего стихотворения является началом следующего.

Прозаический пришвинский венок, эстетически утонченный, украшенный внешней простотой и незамысловатостью, скрывает и более глубокую философию, упрятанную во второй неявный, контекст. М.М. Пришвин переосмысливает по-современному знаменитую проповедь о слезе ребенка из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского.

Большинство советских людей в конце 1943 года по-настоящему поверили в грядущую победу, и писатель по-отечески решил напоминать солдатам, что и дети побежденного врага – все равно дети. Если даже не знать, что в кольце фашистских «Голубая дивизия» СС, то образ Марии Терезы – дочери испанской женщины, бежавшей от Франко, все равно является явным напоминанием о неподсудности закона боя, неподвластного ненависти войны. Высший закон, которому должны подчиняться все, кто называет себя человеком, – сохранить ребенка даже ценой собственной жизни.

Цикл Пришвина предвосхитил символику известной скульптуры Вучетича, установленной в Берлинском Трептов-парке, возможно даже стал основой этой символики: советский солдат спасает немецкую девочку. Писатель отдельными штрихами создает образ беззащитного

человеческого существа, вырванного из лап смерти, с огромным трудом выхоженного от последствий голода и болезней, практически получившего второе рождение в муках еще больших, нежели первые, естественные роды.

В утверждении Пришвина: «Извольте понимать эту мудрость: «Будьте, как дети» [4, 132] таится ключ к пониманию отнюдь не нравственной философии. В детском восприятии одноглазый кот, пострадавший за то, что залез в птичье гнездо, предстает сложным ассоциативным образом, олицетворяющим агрессора-захватчика вообще: «Лишился глаза поделом, не лезь в чужое гнездо», но в то же время поверженного и больного кота жалко. Фольклорная метонимия, ставшая своеобразной ироничной метафорой, но уже в восприятии взрослого человека.

Сложные, глубокие системы тропов, ассоциативные ряды, приводящие к глубинам философской мысли одновременно принадлежат к рафинированному литературному символизму серебряного века и фольклорной символической. Они являются двумя гранями одного кристалла русской словесности, однако соединение отраженного света из этих граней в единый спектр – задача крайне сложная, которая оказалась под силу, пожалуй, одному только жанру детской литературы – от Пушкина и Ершова до Пришвина и далее... Пушкин, зачинатель всех наших жанров, сказал про такую стилистику очень точно: «Сказка – ложь, да в ней намек».

В большинстве русских сказок главной силой, побеждающей зло и приводящей к торжеству добра и счастью героев, является любовь. Любовь становится побудительным мотивом подвигов богатырей, спасает сестер и братьев от злой мачехи, преображает ленивого чудака, Иванушку-дурочка, в героя мудреца, заставляет совершать буквально невозможные сказочные деяния, которые требуют наивысшего напряжения, сталкиваясь с проявлениями наибольшего коварства или злодейства. Прямая

зависимость силы побеждающей любви от высоты преград, встающих на пути героев – явная фольклорная параллель пришвинских рассказов и русских сказок [5].

Безмерна мера злодейства врагов, обрекших на страдания невинные маленькие существа. Высока и беззаветна любовь воспитателей, вырвавших детей из лап смерти, отогревших своим телом их израненные души [6]. Детский дом в усадьбе Ботик становится островом любви и заботы, а М.М. Пришвин в своем произведении возвышает его до символа идеальных человеческих взаимоотношений, прообразом своеобразного «Города солнца», местом, где люди разного возраста живут в гармонии с обществом, с собой и с природой.

Конечно, их не объединяло общее горе, как это часто случается в России, но из беды они вышли не ожесточенными, более гуманными, открытыми для любви. М. М. Пришвин видит в таком преодолении страданий путь для гуманизма всей огромной страны, её способности к обновлению, но он отнюдь не прекраснодушный мечтатель – идеалист, считавший, что человеколюбие и гуманность воцаряются в людях тотчас после победы. Он прекрасно видел и детально описал в дневниках всю глубину нравственного падения народа во время гражданской войны. Всего без малого тридцать лет прошло с той поры, и преодоление кризиса гуманизма требовало долгого времени и великих трудов [7]. Писатель просто указывает идеал и свидетельствует: этот идеал реален, достижим и даже уже воплощен не в какой-то сказочной стране, а в Ярославской области возле города Переславля.

Война – противоестественное состояние человечества. Она преисполнена жестокостью и болью, страданиями и смертью. Самый тяжкий грех, величайшее преступление агрессоров состоит в том, что они причиняют горе людям, непричастным к военным действиям, женщинам и детям [8]. Дети в силу малого возраста беспомощные и легко уязвимые

для всякого зла, голода, холода и болезней. Их страдания не имеют никакого оправдания.

М.М. Пришвин, несмотря на свой богатый жизненный опыт, никогда не рассказывал напрямую о войне, хотя был их свидетелем, а в первой мировой даже участвовал. Писатель в этом смысле был убежденным пацифистом, избегавшим насколько возможно описаний любых боевых эпизодов, однако, война как исторический момент в жизни людей, как о состоянии души и вершительнице судеб, он рассказал подробно. Творческий метод художника в данном случае представляется нам совершенно оригинальным [9]. Сражения он воздвигал над своими персонажами подобно черному монолиту над равниной. Его герои боятся даже взглянуть на ужасающую их гору, которая возвышается неподалеку, однако вынуждены жить в ее тени. Эта тень войны ощущается в каждом слове, в каждом поступке персонажей и самого автора.

Сумерки мира, тем не менее, позволяют острее видеть все светлое, яркое, противостоящее тьме. Пришвин, как и все ученики ремизовской школы, обладает великим импрессионистским даром. Он умеет подчеркнуть контрастность окружающей вселенной и находить шедевр в простом и вроде бы незамысловатом сюжете и даже в бессюжетности. Художник описывает чувства, сосредоточен на них и умеет вызвать у читателей живой отклик. В описании страданий детей во время войны ему даже не нужно натуралистических подробностей. Жалость и сострадание приходят как бы невольно, в результате читательских размышлений над текстом Пришвина, превращаясь в очень сильное чувство сопереживания, эмоционально более сильное, чем даже при описании войны и блокады.

Для него важнее было написать «сказку-быль» (именно такой подзаголовок имела позже «Кладовая солнца»), т.е. описывать действительные события, согласуясь со сказочными, фольклорными традициями. Реальная действительность, современная писателю жизнь сюжетно превосходила все, что способно породить даже самое изощренное

воображение. «Быль» стала более сказочной, чем «ложь», более драматичной, страшной, насыщенной событиями, в том числе небывалыми, невиданными прежде.

К числу подобных экстраординарных обстоятельств, прежде всего, можно отнести страдания детей от войны и блокады, перед которыми меркнут классические сказочные сюжеты со злой мачехой, кощеевыми каверзами и колдовством ведьм. Безотцовщина и даже полное сиротство стали массовым явлением, и на детей внезапно обрушилась тяжесть несчастий и вполне взрослая ответственность. Преодоление всех трудностей, взросление поступков, при остающемся детском мироощущении казалось взрослым, видевшим все это, чудом сказочным, достойным удивления и восхищения [10].

Писатель обращается к детской теме еще и с воспитательной целью, причем педагогический пафос его обращен, прежде всего, к сознанию взрослых людей. Здесь Пришвин точно совпадает по цели с Пушкиным: «Добрый молодцам урок...».

Затянувшаяся на годы невыносимо тяжелая война стала серьезным морально-психологическим испытанием для всего народа. Появилось много надломленных людей, которых объективные трудности принудили к почти животной борьбе за выживание. Подобной ситуации посвящен рассказ «Мыши» из цикла «Рассказов о ленинградских детях». Дети, перенесшие все ужасы войны, становятся не только нравственным камертоном, невольными судьями, способными разделить добро и зло, но и символом бедующих поколений, имеющих право на высшую нравственную оценку всех поступков, совершенных взрослыми. Дети – это наше будущее, которое присутствует уже сегодня, будущее, перед которым нельзя впасть в уныние и потерять человеческий облик – потом будет мучительно стыдно. Перед детьми не скроешь ни плохое, ни хорошее – они отличают правду ото лжи, как андерсеновский мальчик, не увидевший нового наряда короля.

Пришвин призывал взрослых учиться у детей терпению и стойкости, способности к возрождению человеческого после перенесенных испытаний. Художник очень хорошо понимает детскую психологию, способность забывать и одновременно помнить все случившееся.

Список литературы

1. Пришвин М.М. Собр.соч. в 8-ми тт. – М.: Художественная литература. 1986. Т. 5.
2. Пришвин М.М. Собр.соч. в 8-ми тт. – М.Художественная литература. 1986. Т. 5.
3. Пришвин М.М. Собр.соч. в 8-ми тт. – М.: Художественная литература. 1986. Т. 5.
4. Пришвин М.М. Собр.соч. в 8-ми тт. – М.: Художественная литература. 1986. Т. 5.
5. Сидорова И. В., Виданова Н. В. Подвиг в православной традиции// Наука и Образование: научный рецензируемый электронный журнал. – 2020. – № 1. – URL: <http://opus.mgau.ru/index.php/see/article/view/151/149>
6. Сидорова И.В., Новикова И.В., Виданова Н.В. Формирование интеллектуально-речевого развития обучающихся // Наука и образование: Мичуринский ГАУ. – № 2, 2019. – С. 96
7. Попова И.В. Христианский контекст в творчестве М.М. Пришвина / И.В. Попова // Наука и Образование. – 2019. - №4. – С.37
8. Попов Н.М. Морально-нравственный императив современного человека. /Актуальные проблемы воспитания и образования: интеграция теории и практики. Материалы Национальной контент-платформы. Под общей редакцией Г.В.Коротковой. – Мичуринск: изд-во Мичуринского ГАУ, 2019. – С. 289-292
9. Сидорова И.В. Духовно-нравственное воспитание обучающихся в процессе изучения событий Великой Отечественной войны

с использованием краеведческого материала / И.В. Сидорова, Н.В. Виданова // Наука и Образование. – 2019. – № 2. – С. 97.

10. S. Elovskaya, T. Stanchuliak, L. Karandeeva The Holistic approach to teaching English as a foreign language // INTED2019 Proceedings 13th International Technology, Education and Development Conference. March 11th–13th, 2019 — Valencia, Spain. – P.1253–1258.

**The MORAL IDEAL of CHARITY IN M. M. PRISHVIN's"
LENINGRAD STORIES"**

Popova I. V.

Ph. D., associate Professor

Michurinsk state agricultural university,

Michurinsk, Russia

Abstract: the article deals with the last decade of M. M. Prishvin's life and work, which was dedicated to children. In this regard, the author of the article examines the categories of the moral ideal of mercy in M. M. Prishvin's "Leningrad stories".

Keywords: mercy, war, moral ideal, creativity of M. M. Prishvin, ideology, leitmotif of creativity